

Холодное солнце теплой зимы / продолжение

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Холодное солнце теплой зимы / продолжение • Первый пожар

31 декабря 1987 года. Кабинет следователя.

— Кстати, объясните, а откуда у вас лошади? Вы купили их на зарплату директора магазина? — усмехнулся Филатов, до этого момента с интересом слушавший рассказ.

Эдуард, будто опомнившись, запнулся и глянул на следователя. В его отсутствующем взгляде вновь отразился испуг, словно его резко вырвали из прекрасного сна.

— Дело в том, что мой отец работал в горкоме Москвы... — начал издавека задержанный. — У него были возможности содержать лошадей. **Первых скакунов он привёз из поездки в Туркменскую ССР.** В дальнейшем у нас периодически появлялись новые, каких-то он отдавал. А одного подарил сам Гришин, тогдашний первый секретарь горкома Москвы. У отца с Гришиным были хорошие, дружеские отношения. После смерти отца семь лет назад нам осталась дача за городом, где я со своей семьёй и проживаю... то есть проживал. Отец с детства привил мне любовь к этим совершенным животным. Это самое прекрасное, что придумала природа. В каждом их движении чувствуется что-то неземное, высокое и чистое...

Лето 1987 года. Сочи

В ресторане играла музыка, и Лилия с Эдуардом ворковали за своим столиком. Эдуард ловил на себе кокетливые взгляды девушки, от чего его бросало то в жар, то в холод. Он тихо млел от нежности к своей избраннице и любовался её непослушными кудрями, разбросанными по загорелым красивым плечам.

– Ты так красиво говоришь о лошадях, – заметила Лилия, – что мне самой захотелось стать лошадей. Хотя если бы ещё вчера мне кто-то сказал, что я похожа на лошадь, то я бы убила его.

Эдуард, смеясь, поднял бокал с лимонадом:

– Тогда выпьем за красоту, которая спасёт мир.

– Красиво сказал, – похвалила его Лилия, кокетливо накручивая на палец локон своих пышных волос.

– Это сказал не я, а Достоевский.

– Это твой друг?

– И не только мой... с Достоевским должны дружить все.

– А почему у тебя бокал с лимонадом?

– Понимаешь, в чём дело... – сделав паузу, смутился Эдуард. – А, ладно... какого чёрта!

И он с чувством, которое испытывает игрок, ставящий всё на «зеро», налил себе рюмку коньяка... Утром Эдуард проснулся в своём номере. Его безжалостно мутило, а в голове гудело, как в паровом котле. Он с трудом разлепил правый глаз. В мутном фокусе глаза расплывался чей-то обнажённый силуэт. Эдуард открыл второй глаз, и рассеянная сюрреалистическая картинка собралась в одно целое, превратившись в Лилию, которая в неглиже расчёсывала волосы перед зеркалом. Рядом с ней на полу, прислонённая к стенке, стояла большая картина с цыганской кибиткой. Мужчина, ничего не понимая, уставился на полуобнажённую девушку.

– Проснулся, соня? Я ужасно проголодалась. Одевайся, пойдём позавтракаем, – сказала Лилия, увидев проснувшегося любовника.

– Лилия? Что?... Что вы тут делаете? – совершенно искренне недоумевая, спросил Эдуард.

Цыганка обернулась к мужчине:

– Как это «что делаю»?! А кто вчера умолял не уходить? Кто вчера ползал на коленях и признавался в любви? Кто вчера обещал жениться?

– Я?!

– Нет, Достоевский! Может, ты ещё и не помнишь, как почти силой затащил меня в свой номер?

Лилия расплакалась и начала собирать свои вещи, разбросанные по всему полу:

– Скотина! Подлец!.. А я-то, дуручка, возомнила себе, что теперь всё будет как в книжках.

– Лилия, подождите... я... вы... Вы всё не так поняли, – промямлил Эдуард, борясь с подступившей тошнотой.

– А как это ещё понимать? Обманул доверчивую девушку, затащил в постель...

– Но я не обманывал вас...

Лилия, кое-как одевшись, выскочила из номера. Её рыдания ещё долго слышались в пустом коридоре гостиницы. Эдуард попытался было догнать девушку, но крайне неудачно запутался в штанинах и шлёпнулся голым телом на казённый паркет.

Вечером того же дня Эдуард искал Лилию по всему побережью. Он прошёлся несколько раз по парку, спрашивал у прохожих, искал около пляжа и даже рядом с цирком. Никто её не видел. Цыганка испарилась, как мираж, словно её и не было никогда.

Пробродив по городу весь вечер, Эдуард вконец выбился из сил и пришёл на берег моря. Солнце прощально стелило по воде свои последние жёлто-оранжевые лучи. Эдуард отрешённо пошёл по кромке прибоя. Его печальный силуэт на фоне золотого заката в этот момент был достоин кисти лучших мастеров. Под грустную мелодию, играющую в его душе, он оставлял одинокие следы, которые сразу же слизывала очередная накатившая волна. Лирический мотив, не выдержав тесноты внутреннего мира Эдуарда, наконец вырвался на волю, оказавшись мелодией из музыкального спектакля «Юнона и Авось».

– Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду... – голосом, готовым сорваться на плач, тихо пропел про себя Эдуард.

Ветер доносил то звуки где-то играющей музыки, то голоса загулявших людей, но все они утопали в монотонном плеске волн. Солнце уже совсем скрылось за горизонтом и скоротечные южные сумерки уступили место вечерней темноте, когда вдруг до Эдуарда, перебивая тихий шелест волн, стали доноситься стоны и всхлипывания. Эдуард посмотрел вперёд и в свете одинокого фонаря увидел Лилию. Она, прислонившись к большому валуну, стояла, закрыв руками лицо. Рассеянный свет фонаря освещал сгорбленную фигуру девушки, которая мелко содрогалась от душившего её плача.

– О боже, Лилия! Слава богу! – вырвались у Эдуарда слова облегчения.

Он подбежал к девушке и взял её за плечи. Лилия, не поднимая головы, продолжала плакать.

– Послушайте, я хотел извиниться! – быстро, боясь, что его перебьют, начал Эдуард. – Я понимаю, что обидел вас. Я не хотел. Чёрт... что я говорю? Понимаете? У меня есть такая особенность организма: если я выпью, то потом ничего не помню. То есть совсем ничего. И я был удивлён, когда утром проснулся и увидел... вас. Но это всё не важно. Самое главное, что я хотел сказать...

В ночном небе, со стороны пустыря, где расположен цирк, начало подниматься зарево пожара, но Эдуард не замечал ничего вокруг в тот момент. Он просто хотел, чтоб его выслушали.

– ...Это то... что я вас люблю.

И будто большая, тяжёлая скала упала с плеч. Слова стали литься легко. Казалось, что говорил не он, а нужные слова кто-то сверху вкладывал в его уста.

– ...Люблю с первого взгляда. Я понимаю, это звучит глупо, когда взрослый мужик рассказывает о любви с первого взгляда, но это на самом деле так. Я столько лет искал вас и вот, кажется, нашёл.

Лилия перестала плакать и, затаив дыхание, слушала горячее признание. Наконец она подняла голову, и Эдуард обомлел: на её лице виднелись многочисленные кровоподтёки, а под глазом горел большой синяк.

— Господи, Лилия... кто это сделал? — испугавшись, спросил мужчина.

— Братья. Они хотели убить меня... — тихо отвечала цыганка. — Я опозорила семью, когда осталась с тобой вчерашней ночью. Они заперли меня в сарае и пошли искать тебя. Кроме того, у них были какие-то дела этой ночью в городе. Уезжай, тебе грозит опасность.

— Я без вас никуда не уеду!

— Без меня? Ты не понимаешь? Со мной всё решено. Мне осталось-то жить пару дней, пока они меня не найдут.

— Это вы не понимаете. Я люблю вас. Не для того я искал вас столько времени, чтоб вот так потерять. Неужели вы думаете, что я теперь оставлю вас? Мы сейчас же уедем.

Лилия приподняла бровь и удивлённо глянула на Эдуарда, на лице которого была написана непоколебимая решимость.

— Мой любимый, ты правда не оставишь меня? — с надеждой в голосе спросила девушка.

Смотря на это избитое личико, ощущая нежность её прикосновений, слыша любимый голос, Эдуард отчётливо понял, что теперь в его жизни всё изменилось. Теперь он не будет принадлежать самому себе. Две судьбы тесно сплелись в одну жизнь, которая тянулась к солнцу и требовала своей порции счастья.

Вдруг в их разговор грубо вмешался звук истерично завывающей сирены. Он ревел и приближался вместе с огромной пожарной машиной, освещающей себе дорогу красно-синими огнями. Пожарники на полной скорости пронесли по дороге в сторону цирка. Только сейчас Эдуард и Лилия заметили беснующееся пламя пожара над тем местом, где был цирк.

– Пожар. Пламя. Вот какое пламя вы нагадали мне? – прошептал Эдуард.

Со стороны пустыря, где бушевал пожар, слышался топот конских копыт. Звук нарастал, и на берегу, освещаемом луной, появились бегущие галопом лошади. Группа лошадей скакала в сторону Эдуарда и Лилии.

– Мамочки! Это братья! Они нашли нас, – вскрикнула Лилия.

Они забежали за валун, и вовремя, потому что в это время табун пронёсся в двадцати метрах от них. Лошади были без наездников. Только на первой лошади, в авангарде группы, сидел низко пригнувшийся человек.

– Если это был один из твоих братьев, то у него очень хорошие лошади, – сказал Эдуард, провожая взглядом уносящихся в ночь лошадей.

– Нет, это не мой брат. Но я его где-то видела.

– К чёрту его. Скорее, у нас мало времени.

С этими словами Эдуард взял Лилию за руку и быстро зашагал прочь. Они прошли по тропинке мимо парапета, выбрались на другую улицу и побежали по направлению к гостинице.

– Лилия, у вас паспорт с собой?

– У меня его никогда не было.

– Плохо. Придётся договариваться с проводником.

– Эдик...

– Что?

– Перестань меня называть на «вы». Ненавижу, когда мне выкают.

* * *

...«Советские поезда – самые поездатые поезда в мире!» – этот народный лозунг был злой усмешкой в адрес разбушевавшегося советского агитпропа. В каждом министерстве или любом другом государственном учреждении сидели такие восторженные оптимисты, которые то ли сами верили, то ли надеялись, что

народ поверит: в Советском Союзе всё самое лучшее! Нет, в великой стране, конечно же, было чем гордиться, но когда повод для гордости под бдительным присмотром спускался сверху, он начинал отдавать партийными духами «Красная Москва» и казёнщиной правительственных коридоров. Периодически на свет появлялся свежий лозунг с обязательным словом «самый», призванный донести до людей очередную радостную истину. К примеру, лозунг «Советские курорты – самые лучшие курорты в мире» должен был успокоить людей, к которым ненароком могла забрести в голову предательская мысль, что на свете могут быть и другие курорты. «Советский народ – самый счастливый народ в мире» – этот лозунг должен был охватить ещё большую массу людей, которая не могла себе позволить на своём примере проверить подлинность лозунга про курорты. И вдогонку следовал лозунг, призванный закрепить достигнутый успех: «Советский Союз – самая лучшая страна в мире». Из-за слишком частого употребления в государственных посылах слова «самый» такие правдивые лозунги, как «Наш Шерлок Холмс – самый лучший Шерлок Холмс в мире» или «Советский Союз – самая читающая страна в мире», терялись в громогласном оптимистическом хаосе. В безмерном количестве плакатов и лозунгов, подстерегающих советского человека за каждым углом, сама собой появлялась мысль, что впору было создавать новую государственную структуру под названием «Министерство по делам Оптимистического Максимализма».

...Стук колёс поезда «Сочи – Москва» задавал ритм течению жизни пассажиров. Вагон плавно покачивался на уходящих за горизонт рельсах и скрипел каждым стальным болтиком своей железной души. В знойном воздухе седьмого купе немой укором всему министерству путей сообщения служил вид наглухо закрытой форточки. Никакие физические усилия не могли сдвинуть с места упрямую створку, задвинутую каким-то добросовестным и, судя по всему, очень сильным работником проводниковой братии. Кто это сделал, никто не знал, что не мешало каждому, кому посчастливилось ехать в этом купе, вспоминать его с особым трёхэтажным удовольствием. Жара была такая, что сидеть при

закрытых дверях было невозможно. За окошком весело мелькали ночные огни. Из соседнего купе доносился богатырский храп.

Эдуард и Лилия сидели за столиком. В тусклом освещении купе девушка всматривалась в своё отражение в маленьком зеркальце. Здоровенный синяк под правым глазом настолько резко диссонировал с другими частями ангельского личика, что казался неудачным театральным гримом.

Девушка дотронулась до вспухшей щеки и поморщилась от боли.

– Не переживай, дорогая, через неделю всё пройдёт, – успокоил её Эдуард.

– Мне так страшно! – невпопад ответила Лилия.

– Я же сказал, что пройдёт.

– Я не этого боюсь. Раньше я не выезжала дальше Сочи, а тут Москва, неизвестность...

– Любимая, я тебя в обиду не дам. Теперь у тебя будет новый дом и новая семья. Ты веришь мне? – сказал Эдуард и пересел поближе к цыганке.

– Очень хочу верить... – прошептала Лилия, перекошенной стороной повернувшись к Эдуарду.

За окном замелькали фонари, поезд потихоньку сбавил ход. Впереди, в неярком освещении электричества, появилась какая-то маленькая станция. В тишине ночи слышался смех проводников и весёлый мат сцепщиков, и, словно бы подтверждая малозначительность станции, состав тут же тронулся, сделав остановку лишь на две минуты.

Спустя несколько минут, к удивлению Эдуарда, купившего все места, в открытую дверь седьмого купе вошёл человек с дорожной спортивной сумкой в руках. Его широкие плечи обтягивала лёгкая парчовая куртка, а ноги – модные импортные джинсы. На запястье красовались часы «Электроника 5».

– Здравствуйте, люди добрые! – весело поздоровался вошедший.

– Здравствуйте... – удивился Эдуард новому пассажиру.

– Ого, по-моему, мы уже встречались! – сказал пассажир,

оказавшийся Павлом.

– Да-да, на пляже, – узнал того Эдуард.

– Точно! Надо же, какая встреча! А вы что, уже уезжаете? Короткий же у вас получился отпуск.

– Так получилось, что мне срочно нужно вернуться в Москву.

– Понимаю. Сам туда спешу.

– А это моя... ээ... спутница, Лилия.

– Очень приятно, – сказал Павел и взглянул на Лилию.

Девушка, забыв обо всём, смотрела на Павла. Из-за недавно приобретённой физической особенности её лицо не совсем точно передавало переживаемые чувства, от чего было непонятно: то ли она испугалась, то ли была ужасно рада видеть новоявленного соседа по купе.

– По-моему, я не совсем вовремя, – замялся Павел. – Вы тут, по-видимому, что-то... серьёзное обсуждали.

– Нет-нет... – спохватился Эдуард. – Не обращайтесь внимания. Лилия неудачно упала с лестницы.

И чтобы как-то перевести разговор, спросил:

– А у вас что, гастроли уже закончились?

– А вы не в курсе? Цирк же вчера вечером сгорел.

– Какой ужас! Мы видели зарево, но я и не думал, что это горит цирк! – искренне удивился Эдуард.

– Да уж, горело так, что мама не горюй.

– А жертвы есть?

– Да я, честно говоря, не в курсе. Пойду покурю, – с этими словами Павел достал сигареты и вышел из купе.

– Нет, это всё-таки возмутительно! – чуть погодя обратился Эдуард к Лилии.

– Что, дорогой? – очнулась от задумчивости девушка.

– Я же купил все места в этом купе, чтобы нас никто не смущал.

– Ну, не сердись. Всё же бывает. Может, он ошибся купе.

– Нет, я этого так не оставляю! Я сейчас же поговорю с проводником.

На этом Эдуард с самым решительным видом вышел из купе и пошёл искать подлого проводника. Не найдя его в своём вагоне, он решил перейти в следующий. Там за общим столом собрались несколько проводников из разных вагонов. Они отмечали чей-то день рождения.

Один из «вагоновожатых», держа в вытянутой руке гранёный стакан с прозрачной жидкостью, важно вещал:

– Давайте выпьем за Палыча. Золотой человек, что и говорить! Столько лет хожу с ним в рейды, ещё ни разу не подставил, не подвёл. Нету этой подлянки у него...

Судя по стеснительно потупленному взору и признательной улыбке, Палычем был сидящий у окна мужчина, по совместительству оказавшийся ещё и проводником вагона, в котором ехал Эдуард.

– Извините, что прерываю, могу я с вами переговорить с глазу на глаз? – спросил Эдуард, смотря на Палыча.

Проводник пробубнил что-то так, чтобы услышали только сидящие за столом. Сидящие тут же с ухмылкой оглянулись на прервавшего застолье мужчину.

– Ну, что ещё? – недовольно скривил губы Палыч, от которого разило дешёвым коньяком и шпротами.

– У меня к вам просьба. Не могли бы вы найти для нас другое купе? – вежливо попросил Эдуард, стараясь держать в узде священный гнев обманутого потребителя.

– Ещё чего! Свободных мест нет. Тем более для вас с вашей спутницей, – резко возразил просителю именинник. – Мало того, что взял её без документов – на свой страх и риск, между прочим, – так чего доброго эта цыганка стащит у пассажиров что-нибудь. Вообще, я бы вам не советовал выпускать её из купе. Такой интеллигентный человек, а водите знакомства с асоциальными элементами. Учтите, я не допущу краж во вверенном мне вагоне.

Что-то щёлкнуло от этих слов внутри Эдуарда. Какая-то дверь с вывеской «не беспокоить» вдруг открылась, и оттуда, сонно зевая и потягиваясь, вышли смелость и отвага. «И откуда что берётся?» — успел подумать Эдуард, когда взял проводника за грудки и прижал к закрытым дверям купе. По-видимому, события последних двух суток пробудили в нём первобытные мужские инстинкты, доселе погребённые под толстым слоем хорошего воспитания.

— Слышишь, сморчок! — смотря прямо в глаза проводнику, сказал Эдуард и тут же подивился собственной дерзости. — Ещё раз вякнешь нечто подобное, и я размажу тебя по стенкам вверенного тебе вагона. Когда ты сдирал с меня тройную цену за четыре места, ты был сама вежливость. Забыл уже?

— Да я что? Я ничего. Просто действительно мест нет, — испуганно затараторил проводник.

— Так бы и сказал... — произнёс Эдуард и, для профилактики подержав проводника в таком положении ещё несколько секунд, разжал руки.

Возвращаясь в своё купе, Эдуард ещё думал о случившемся. Ещё никогда, по крайней мере пребывая в трезвом состоянии, он не позволял себе такой бестактности по отношению к людям. Чуть выпив, он становился неуправляемым, раздражительным и даже агрессивным человеком, его характер менялся на прямо противоположный. Но что случилось сейчас? Он же был абсолютно трезв. Хотя нет. Он был влюблён, а опьянение любовью, получалось, действовало на него так же, как и алкоголь. Какая-то гордость за самого себя поднялась изнутри и вызвала довольную улыбку. Должно быть, именно так себя чувствовал первобытный мужчина, только что спасший свою пещеру от саблезубого тигра. И сейчас, словно человек, сделавший себе новые коронки на зубы и теперь привыкающий к новым ощущениям во рту, Эдуард тревожно прислушивался к новому осознанию самого себя. В таком углублённом в собственные мысли состоянии он подошёл к своему купе и услышал весёлый Лилин смех.

— Дорогой, ты вернулся? Знаешь, Пашка оказался очень

интересным собеседником, – улыбаясь одной стороной лица, обратилась к Эдуарду Лилия.

– Пашка? – удивился Эдуард.

– Да, так зовут меня друзья, – отозвался Павел.

– О, вы уже, значит, подружились?

И снова он открыл в себе новое чувство. Какая-то неприятная злоба по отношению к Павлу и обида на Лилию, взявшись за ручки, вместе постучались в душу Эдуарда. Так он в первый раз в жизни познал ревность. Новое чувство, как показалось Эдуарду, было противным и холодным, словно оставленная с вечера в холодильнике манная каша.

– Я как раз рассказывала Пашке про обезьянок, которых мы видели в цирке, – тем временем весело щебетала Лилия.

– Да, было хорошее представление. То, что случилось с цирком, это ужасно. А лошади? Что с ними? Сгорели? – Эдуард сел возле Лилии и присоединился к разговору.

– Лошади? Нет, лошади целы.

– Слава богу! Вы храбрый человек. Я видел, как вы управлялись с лошадьми. Сразу чувствовалась опытная рука. Где вы этому научились? – поинтересовался Эдуард.

– Мой отец служил в конной милиции, и я пацаном часто бегал к нему на конюшню. Знал поимённо всех лошадей. Это удивительные животные. Они никогда не предадут хозяина. Даже не хозяина – друга. Лошади должны чувствовать в человеке друга. И тогда пойдут с тобой хоть на смерть.

Как обычно бывает в поезде, тесное знакомство завязалось быстро. По мере общения выяснилось, что Павел оказался добрым и весёлым малым. Он много шутил и рассказывал смешные истории из собственной весьма насыщенной цирковой жизни. Чем дальше, тем больше Эдуард симпатизировал Павлу. Через час ему уже казалось, что они знакомы всю жизнь. Этот весёлый молодой человек с открытым взглядом серых глаз не мог не нравиться людям. Спустя какое-то время попутчики решили поужинать и, весело смеясь, переместились в вагон-ресторан. Там в ночной час не было никого, и они уселись за первый попавшийся стол.

– ...Я ему говорю: ты что это с утра в гриме? – всё сыпал историями Павел. – А он отвечает: это не грим, это мы с мужиками вчера аванс обмывали.

Все трое засмеялись.

– Кстати, а почему ты уезжаешь? – вспомнив про пожар, спросил Эдуард. – Ведь, наверное, будут собирать новую труппу. Лошади целы, так что мог бы работать дальше.

Павел вдруг сразу стал серьёзным. Перестав улыбаться, он ответил:

– Понимаешь... у меня документы сгорели на пожаре, а у нас в стране, сам знаешь, без бумажки ты букашка. Вот, еду в столицу восстанавливать. Только у меня знакомых нет в Москве. Даже не представляю, где буду жить? Можно, конечно, в гостинице, но это накладно.

Лилия повернулась к Эдуарду и, мурлыкая, предложила:

– Милый, может, ты возьмёшь его к себе? Он бы тебе и с лошадьми помог.

– У тебя есть лошади? – с интересом спросил Пашка.

– **Да, два ахалтекинца.**

Павел откинулся на спинку стула и с каким-то новым интересом взглянул на Эдуарда.

– Мне всегда были интересны люди, которые увлекаются лошадьми. У меня с ними много общего, – сказал Павел.

– А ведь это хорошая идея. С моей работой на животных почти времени не остаётся. Поезжай с нами, Пашка, – с ходу неожиданно для себя согласился Эдуард.

Ему эта идея очень понравилась. Он давно искал для своих скакунов хорошего смотрящего. Лошадям нужна была твёрдая рука, которой не было у Эдуарда. Животные, чувствуя это, в последнее время совсем перестали слушать хозяина. Кроме того, за ними нужен был постоянный уход, но из-за рабочего графика Эдуард не

мог быть рядом с лошадьми постоянно.

– Предложение, конечно, заманчивое, но я боюсь, что стесню вас.

– Глупости. Места всем хватит. Тебе всё равно негде оставаться, а тут будешь и при любимом деле и пусть при небольшой, но всё-таки зарплате. Ну, пока сам не захочешь уехать.

– Ну что ж! Я согласен. За это нужно выпить. Эй, командир! – крикнул Павел.

К столику, сильно сопя носом, подошла официантка в грязном фартуке. В её заспанных глазах читалось сожаление о прерванном сне и какое-то страшное проклятие.

– Принеси-ка нам бутылку «Советского».

– Ага, щас! Вот прям побежала и принесла! – угрюмо ответила официантка. – Ты сперва заплати за неё, а потом заказывай. А то знаю я вас таких. Закажете, выпьете, а потом смываетесь. Плати потом за вас.

– Нет, барышня, это не про нас. Держи! – С этими словами Павел вытащил из кармана пачку денег и расплатился с официанткой.

– Ого, с такими деньжищами – это мне впору к тебе наниматься!

– ко всеобщему веселью пошутил Эдуард.

Йосси КИНСКИ. Romanlar